

Слуга многих господ – Шарль Морис Талейран

Часть II

Дмитрий Боровков,
историк-архивист

Положение Талейрана как главы французской дипломатии после провозглашения империи продолжало оставаться крайне сложным, поскольку расстрел герцога Энгийенского негативно сказался на отношениях с Россией и Австрией – инцидент лил воду на английскую мельницу, правительство Георга III обрело союзников в борьбе против Наполеона, наконец, дошло до военных действий, однако кампания завершилась для французского императора триумфальной победой над русско-австрийскими войсками под Аустерлицем (2 декабря

1805 г.) Даже много лет спустя Талейран не скрывал своего восторга по поводу этого сражения: «...Никогда еще военные успехи не были так блестящи. Я как будто сейчас вижу Наполеона, возвращающегося в Аустерлиц вечером после сражения. Он квартировал в доме князя Кауница (австрийского канцлера с 1753 по 1792 г. Десять лет спустя во время Венского конгресса здесь остановится сам Талейран. – Д.Б.), и туда в его комнату, да, в самую комнату князя Кауница, ежеминутно прибывали австрийские, русские знамена, послания эрцгерцогов,

Талейран не поддерживал идею сокращения владений Франца II и, предполагая в нем потенциального стратегического партнера, советовал предоставить ему территориальную компенсацию в Нижнем Подунавье – он даже «заработал» при императорском дворе репутацию «агента Австрии», – однако рекомендации Талейрана не были приняты к сведению.

Сражение при Аустерлице 2 декабря 1805 года. Худ. Д. Ругендас. XIX в. Акватинта, раскрашенная акварелью.

послания австрийского императора, пленные, носившие самые громкие имена империи». В ходе военной кампании 1805 г. министр на протяжении нескольких месяцев был вынужден следовать по маршруту Наполеона, обеспечивая политическую фиксацию результатов, достигнутых его армией на полях сражений, однако здесь же между ними обнаружилось серьезное расхождение, так как Талейран не поддерживал идею сокращения владений Франца II и, предполагая в нем потенциального стратегического партнера, советовал предоставить ему территориальную компенсацию в Нижнем Подунавье – он даже «заработал» при императорском дворе репутацию «агента Австрии», – однако рекомендации Талейрана не были приняты к сведению. По Пресбургскому миру, подписанному Талейраном 26 декабря 1805 г., Франции отходили все итальянские и далматинские владения Австрии (за исключением Триеста), часть ее владений в Германии переходила к союзникам Наполеона – правителям Баварии, Вюртемберга и Бадена, а император Франц и другие члены дома Габсбургов получили лишь скромную компенсацию из немецких земель. Талейран пишет: «Будучи полным хозяином в обработке редакции, на которую Наполеон не мог влиять ввиду отделившегося нас расстояния, я приложил все усилия к тому, чтобы освободить ее от всяких двусмысленностей; поэтому, хотя он и достиг всего, что только было достижимо, договор не удовлетворил его. По истечении некоторого времени он написал мне: «Вы заключили в Пресбурге очень стеснительный для меня договор». Это не помешало ему, однако, выразить мне вскоре после того свое большое благоволение, пожаловав мне титул князя Беневентского, территория которого была занята его войсками...»

Переговорный процесс не обошелся без дипломатического курьеза: в это время в ставке Наполеона

в Вене оказался министр иностранных дел Пруссии граф Христиан Август фон Гаугвиц, который должен был вручить ему ультиматум прусского короля Фридриха Вильгельма III, после долгих колебаний заключившего союз с русским царем Александром I, однако 2 декабря 1805 г. спутало все планы прусского правительства. Как писал историк А. Васт: «Гаугвиц встретился с Наполеоном после Аустерлица и, ошеломленной этой блестящей победой, обратился к императору не с высоко-

мерным требованием, как ему было поручено, а с самым смиренным поздравлением. «Вот комплимент, – отвечал ему Наполеон, – направленный судьбою не указанному адресу». Прусский дипломат, без долгих размышлений, подписал договор об обмене нескольких прусских областей на отнятое у английского короля курфюршество Ганновер. В Берлине скрепя сердце сначала следовали в фарватере наполеоновской политики и даже объявили войну Англии, однако затем там

взяли верх сторонники войны с Францией, руководимые королевой Луизой. Наполеон не спешил уступать Ганновер прусскому королю – тем более не желал возвращать его королю английскому, поэтому, переговоры о мирном соглашении, которые Талейран вел с представителями английского министра иностранных дел Чарльза Фокса, закончились провалом. Аналогичная судьба постигла русско-французский договор, заключенный летом 1806 г., русским посланником

Наполеон не спешил уступать Ганновер прусскому королю – тем более не желал возвращать его королю английскому, поэтому, переговоры о мирном соглашении, которые Талейран вел с представителями английского министра иностранных дел Чарльза Фокса, закончились провалом.

П.Я. Убри, но не ратифицированный Александром I.

В первой половине того же 1806 г. Талейран занимался созданием конфедерации немецких государств, заменившей уничтоженную «Священную Римскую империю» (Рейнский союз): министр превратил политический проект Наполеона в очередное доходное предприятие, на котором заработал от германских государств 2 млн. 700 тыс. франков (часть из этих денег он под нажимом императора позднее был вынужден вернуть обратно). 5 июня 1806 г. Талейран был возведен Наполеоном в достоинство князя Беневентского – эта провинция была отторгнута от Папской облас-

ти, но папу предупредить «забыли» и Пий VII узнал об экспроприации только из официальной французской газеты «*Moniteur*». Еще менее французский император церемонился со своими венценосными «коллегами»: простым декретом неаполитанский король Фердинанд IV (из испанской ветви Бурбонов), неосмотрительно принявший участие в третьей антифранцузской коалиции, в начале 1806 г. был лишен своих континентальных владений и изгнан на Сицилию, а на его место Наполеон посадил своего старшего брата Жозефа, носившего титул «великого электора» империи. По убеждению Талейрана, «Система, принятая тогда Наполеоном, первым

проявлением которой был вышеупомянутый декрет, послужила одной из причин его падения»; сделавшись при Реставрации одним из теоретиков доктрины легитимизма, Талейран опять же задним числом подверг порицанию «неполитичность и все разрушительные последствия такого ниспровержения правительства с целью создания затем других, которые он незамедлительно снова сваливал, и это во всех странах Европы...» и писал, что «введенный в заблуждение собственным воображением, преобладавшим у него над рассудком, он (Наполеон. – Д.Б.) говорил в напыщенном тоне, что вокруг Франции должен быть возведен оплот из

Слева: Наполеон и Франц II после Аустерлицкого сражения, 4 декабря 1805 года. Худ. Ж. Паран. Частное собрание.

В ходе этой встречи обсуждались основные условия заключения Пресбургского мира, подписанного 26 декабря 1805 г.

Справа: Подписание Пресбургского мира 26 декабря 1805 года. Гравюра XIX в.

трон, занятых членами его семьи, чтобы заменить линию крепостей, созданную некогда Людовиком XIV».

К осени 1806 г. выяснилось, что создав на обломках «Священной Римской империи» три королевства (Баварию, Саксонию, Вюртемберг) и одно великое герцогство (Баден), Наполеон, избранный «протектором» Рейнского союза, был отнюдь не склонен расширять сферу влияния Пруссии. Проект создания «Северной конфедерации», кото-

рым он склонил прусского короля к союзу с Францией, так и остался неосуществленным, а дипломатические контакты Талейрана с Фоксом делали призрачной перспективу приобретения Ганновера. Фридрих Вильгельм III разорвал договор, заключенный вопреки его воле, и примкнул к четвертой антифранцузской коалиции, составленной Англией, Швецией, Россией и Саксонией, но поражения при Йене и Ауэрштедте в октябре 1806 г. быстро

Сделавшись при Реставрации одним из теоретиков доктрины легитимизма, Талейран задним числом подверг порицанию «неполитичность и все разрушительные последствия такого ниспровержения правительств с целью создания затем других, которые он незамедлительно снова сваливал, и это во всех странах Европы...»

Вступление Наполеона в Берлин 27 октября 1806 года. ➡
Гравюра Ф. Югеля по оригиналу Л. Вольфа. 1-я четверть XIX в.
Государственный Исторический музей, Москва.

Талейран, как всегда умалчивает о том, что он получил от польских магнатов четыре миллиона в обмен на обещание содействовать восстановлению независимости польского государства (когда реализация подобного проекта оказалась невозможной, ибо император допустил только создание марионеточного великого герцогства Варшавского, министр вернул деньги обратно).

поставили крест на политических амбициях его двора, жившего иллюзиями эпохи Фридриха Великого. В декабре 1806 г. Наполеон закончил прусскую кампанию в Берлине, где был подписан декрет об установлении

блокады английских товаров на континенте, с помощью которой «лев» намеревался окончательно победить «кита». Распространение Берлинского декрета по дипломатическим каналам было поручено Талейрану,

Внизу: Подписание акта о создании конфедерации Рейнских государств. Париж, 25 июля 1806 года. Гравюра XIX в. Национальная библиотека, Париж.

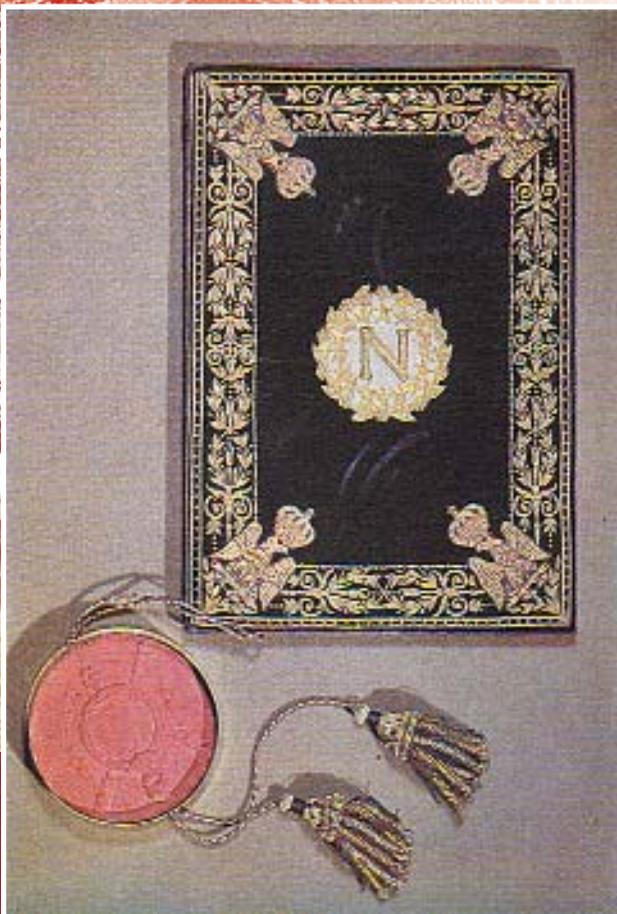

сопровождая императора в этом походе. Однако война с четвертой коалицией еще не закончилась: очень скоро Наполеон и Талейран оказались в Польше. Талейран вспоминал: «Мне пришлось остаться в Варшаве, где имелось нечто вроде дипломатического корпуса; я был окружен там немецкими посланниками, государи которых имели в эту эпоху разрушений мужество думать о расширении своих владений. По другим мотивам Австрия отправила туда барона Винченца. Ему было поручено только следить за тем, чтобы не нарушался порядок в бывших польских владениях, принадлежавших со времени последнего раздела Польши австрийскому императору и вблизи которых находился театр военных действий. Я вошел в его виды и всеми доступными мне средствами помогал ему удачно исполнить его миссию.

Наполеон назначил губернатором Варшавы настолько неспособного человека, что в его отсутствие он поручал мне дела, которые естественно входили в его компетенцию. Так, я заботился об обмундировании войск, ведал их передвижениями, закупал продовольствие, посещал госпитали, присутствовал при перевязках раненых, раздавал награды и должен был даже помогать губернатору в составлении приказов по войскам. Этот род занятий, чуждый моим привычкам, был бы для меня очень тягостен, если бы я не нашел в доме князя Понятовского и его сестры, супруги графа Винченца Тышкевича, всяческой помощи и поддержки...» Талейран, как всегда умалчивает о том, что он получил от польских магнатов четыре миллиона в обмен на обещание содействовать восстановлению независимости польского государ-

ства (когда реализация подобного проекта оказалась невозможной, ибо император допустил только создание марионеточного великого герцогства Варшавского, министр вернул деньги обратно). Тем временем Наполеон перенес военные действия на территорию Восточной Пруссии. В начале 1807 г. русские войска были разбиты при Прейсиш-Эйлау, а в июне – под Фридландом: русско-прусский союз, оформленный в промежутке между двумя этими сражениями (25 апреля 1807 г.), не получил поддержки остальных европейских держав и четвертая антифранцузская коалиция на этом прекратила свое существование. На одиннадцатый день после Фридландского сражения (25 июня 1807) на плоту посреди реки Неман состоялась первая встреча Наполеона с русским царем Александром I, подготовленная при

Континентальная блокада: сожжение английских товаров в 1806 году. Неизвестный художник XIX в. Государственная библиотека, Берлин.

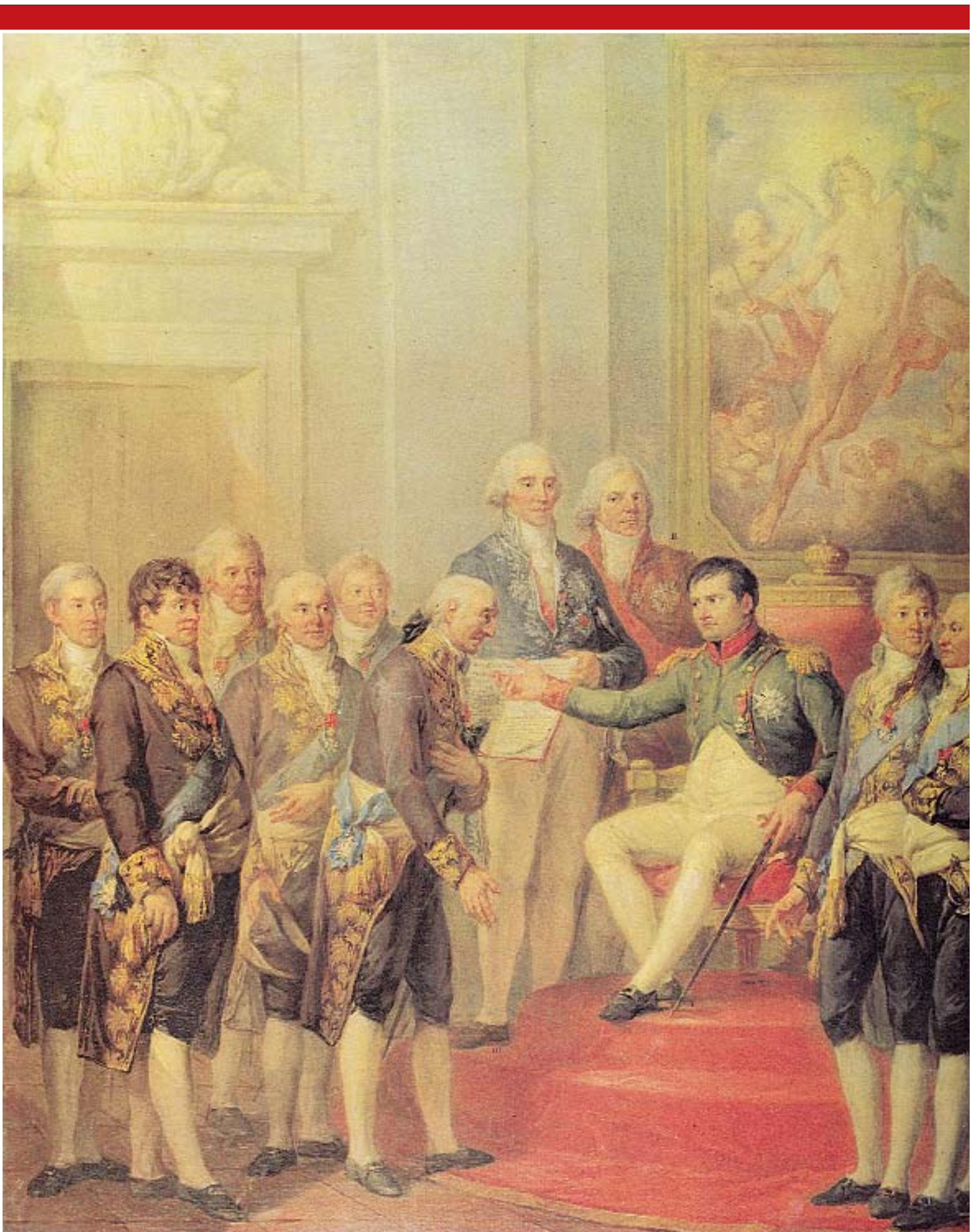

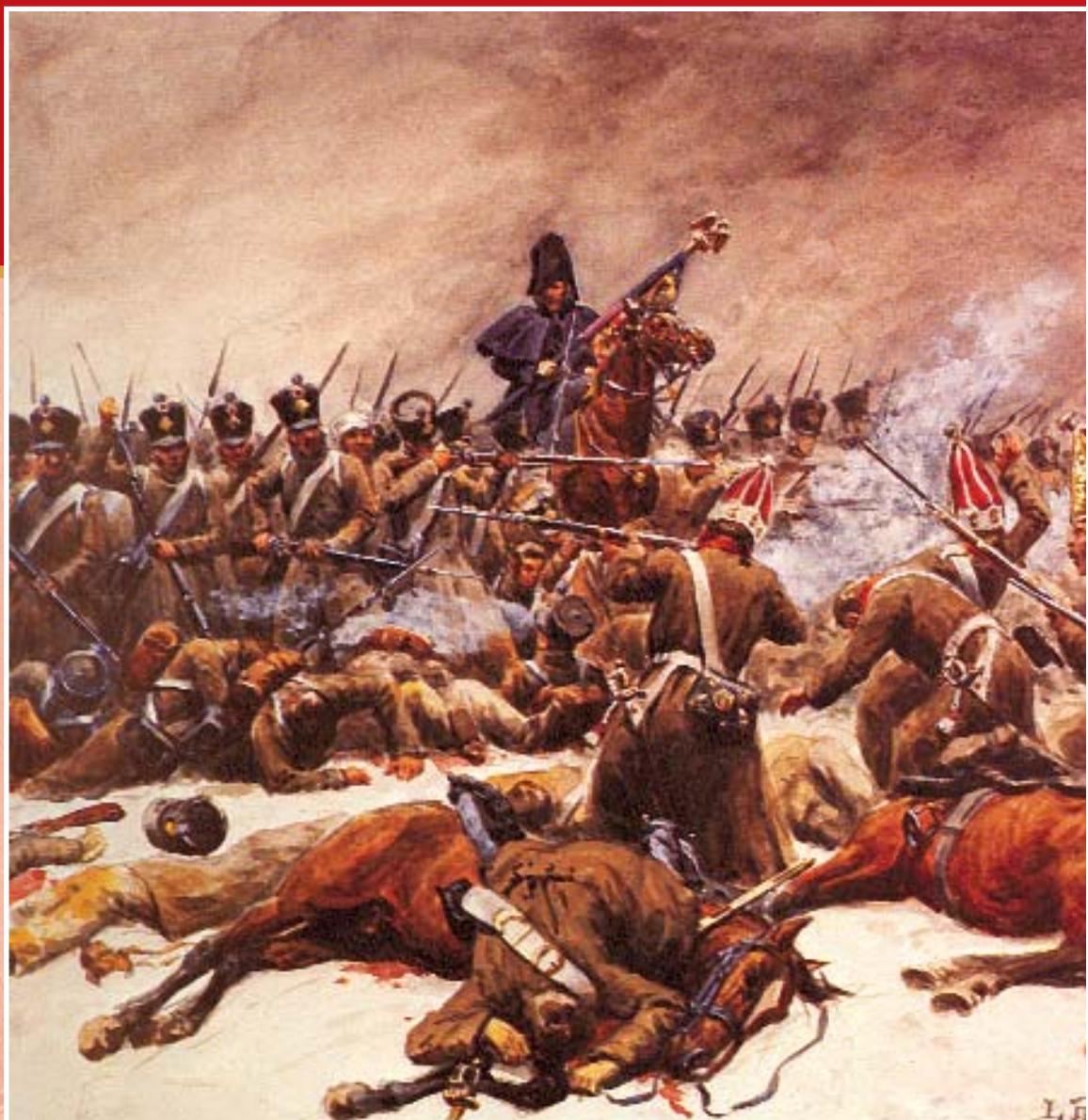
участии Александра Эдмона Талейрана-Перигора – племянника министра. 29 июня князь Беневентский прибыл в Тильзит, а через 8 дней здесь состоялось подписание документов, по которым Россия признавала все завоевания французского оружия и присоединялась к Континентальной блокаде Англии. *«Всю практическую работу с французской стороны вел Талейран. Направляя Наполеону 5 июля текст союзного договора, он писал: «Я составил все статьи так, как Ваше величество приказало мне сегодня утром». Подпись министра стояла под двумя русско-французскими договорами: о мире и дружбе (с секретным разделом) и о наступательном и оборонительном союзе. Оба они помечены одной датой: 7 июля 1807 г.»* – пишет биограф Талейрана историк и дипломат Ю.В. Борисов. Сам

Конституция Великого герцогства Варшавского, принятая 22 июля 1807 года. Государственный архив Федеративной Республики Германии.

Наполеон дарует конституцию Великому герцогству Варшавскому. Худ. Марчелло Баччарелли. Национальный музей, Варшава.

Справа от Наполеона стоит Ш.-М. Талейран.

Конец битвы при Эйлау. Худ. Л. Руссело.
Частное собрание.

Талейран в мемуарах гораздо больше внимания уделяет подписанию мирного договора с представителями прусского короля, который сохранил часть своих владений только благодаря заступничеству Александра I; о договоре с Россией князь Беневентский упоминает неохотно и вскользь. И неудивительно. Подписание его поставило крест не только на перспективах примирения с Англией, но и на переговорах с Турцией, которая до этого момента использовалась Наполеоном и шефом его дипломатии как стратегический противовес России.

Прибыв в Париж, 9 августа 1807 г. Талейран подал прошение об отставке с поста министра иностранных дел. В мемуарах он пишет о том, что во время пребывания

с императором в Берлине зимой 1806 г. «...внутренне поклялся во чтобы то ни стало уйти с поста его министра, как только мы вернемся во Францию» и добавляет, что Наполеон «укрепил меня в этом решении своим варварским обхождением с Пруссией в Тильзите, хотя там он и не прибежал к моему содействию...» Последнее утверждение не совсем верно, хотя расхождения между императором и его министром во внешнеполитических вопросах к тому моменту были налицо. Е.В. Тарле приводит альтернативную интерпретацию причин отставки Талейрана, данную Наполеоном: «...Король баварский и король вюртембергский приносили мне столько жалоб на его алчность, что я отнял у него портфель».

Наполеон принимает королеву Луизу Прусскую в Тильзите 6 июля 1807 года. Фрагмент. Худ. Никола Госс. Национальный музей Версальский дворец.

На ступенях дворца изображен Ш.-М. Талейран.

В то же время из мемуаров Коленкура мы узнаем, что министр все же ушел по собственному желанию. Как бы то ни было, внешне отставка Талейрана выглядела весьма почетной. 14 августа он был назначен «великим вице-электором» империи, заняв третий пост в имперской иерархии, который был декоративным, но приносил его обладателю более трехсот тысяч франков. Один из крупнейших исследователей той эпохи французский историк граф А. Вандаль писал, что Наполеон «оставил Талейрана министром-консултантом при государственном

Прибыв в Париж, Талейран подал прошение об отставке с поста министра иностранных дел. В мемуарах он пишет, что во время пребывания с императором в Берлине зимой 1806 г. «...внутренне поклялся во чтобы то ни стало уйти с поста его министра, как только мы вернемся во Францию» и добавляет, что Наполеон «укрепил меня в этом решении своим варварским обхождением с Пруссией в Тильзите, хотя там он и не прибегал к моему содействию...»

BATAILLE DE FRIEDLAND

(1807)

«Géneral et Maréchal de France, duc de Angoulême, au Général de Division, Colonel, pour le service de la Couronne»

секретаре или, скорее, над государственным секретарем, которым в то время был граф Шампаньи». Впрочем, сам Талейран утверждал, что после Эрфуртского конгресса 1808 г. Шампаньи «безраздельно управлял иностранными делами» и добавлял: «Я, со своей стороны, вернулся к частой жизни большого сановника». Как бы то ни было, официальная ответственность за внешнюю политику с Талейрана была снята, и он не преминул воспользоваться этим обстоятельством: с одной стороны он сохранил контакты с иностранными дипломатами и служил для Наполеона источником «неофициальной» информации, с другой – стал активно вести «свою» дипломатическую игру, направленную на подрыв наполеоновской империи. Об этом периоде своей жизни политик писал в мемуарах весьма осторожно: «Хотя

я и решил не участвовать больше в политической деятельности императора Наполеона, я тем не менее оставался настолько в курсе дел, что мог с достаточным основанием судить об общем положении и рассчитать время наступления неизбежной катастрофы; я мог заранее представить себе ее характер и найти средства для предотвращения бедствий, которые она должна была породить. Все мое прошлое, все мои прежние связи с влиятельными людьми при разных дворах способствовали моей осведомленности обо всем происходящем. Но вместе с тем мне следовало вести такой образ жизни, чтобы иметь безразличный и пассивный вид и не подавать ни малейшего повода для возбуждения свойственной Наполеону подозрительности. Я знал, что уход со службы уже подвергал меня этой опасности,

потому что в нескольких случаях он обнаружил большую враждебность ко мне и неоднократно устраивал мне публично бурные сцены. Они не были мне неприятны, так как страх ни разу не посетил моей души, и я готов утверждать, что его ненависть ко мне была более вредна ему, чем мне». Каким именно «сцены» происходили между императором и «великим вице-электором» мы поведаем читателям несколько позже – сейчас же ограничимся замечанием о том, что император имел для этого веские основания.

Осенью 1808 г. Талейран вместе с Наполеоном участвовал в работе русско-французского конгресса в Эрфурте; здесь он сблизился с Александром I и предложил «цивилизованному русскому императору» стать союзником «цивилизованного французского народа»...

Слева: Сражение при Фридланде 14 июня 1807 года. Гравюра Ж.П. Жазе по оригиналу Г. Верне. 1-я четверть XIX в. Государственный Исторический музей, Москва.

Внизу: Верительная грамота, выданная Наполеоном министру иностранных дел Франции Шарлю Морису Талейрану на ведение переговоров с русским дипломатом князем Александром Борисовичем Куракиным о заключении мира. Императорский лагерь в Тильзите, 1 июля 1807 года. Государственный Исторический музей, Москва.

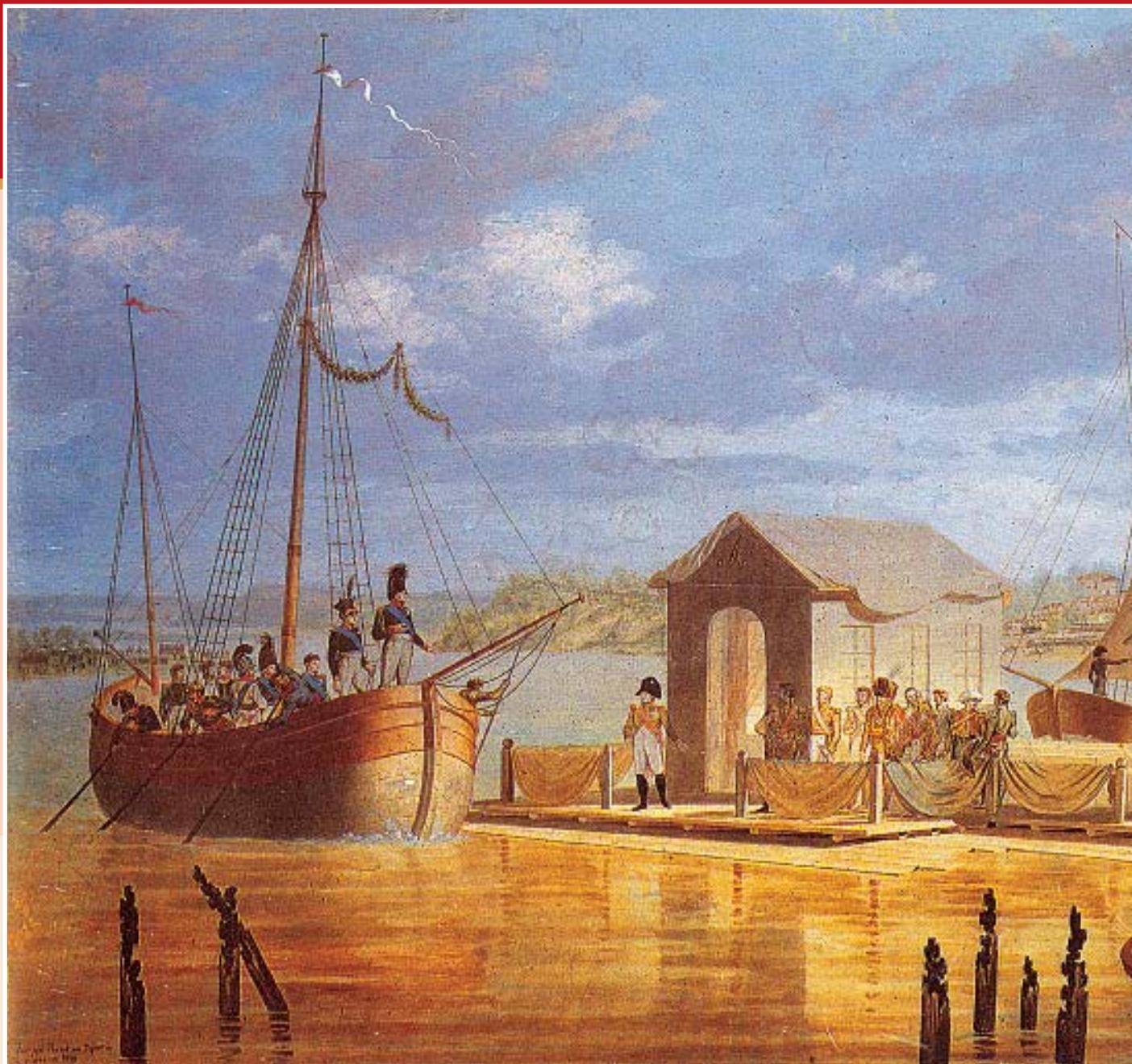
Иначе говоря, бывший министр иностранных дел предлагал царю (разумеется, за соответствующий гонорар) свои услуги «тайного агента». Предложение было принято – связь с русским правительством Талейран поддерживал через молодого секретаря русского посольства в Париже графа Карла Васильевича Нессельроде (будущего министра

«...Но вместе с тем мне следовало вести такой образ жизни, чтобы иметь безразличный и пассивный вид и не подавать ни малейшего повода для возбуждения свойственной Наполеону подозрительности. Я знал, что уход со службы уже подвергал меня этой опасности, потому что в нескольких случаях он обнаружил большую враждебность ко мне и неоднократно устраивал мне публично бурные сцены....»

иностраннных дел и канцлера Российской империи). В русской корреспонденции Талейран «проходил» под разными «оперативными псевдонимами» – «*книгопродавец*», «*юрисконсульт*», «*кузен Анри*» и даже «*Анна Ивановна*». Гонорар «тайного

агента» Талейрана по сравнению с «десертом» в его бытность министром иностранных дел был незначительным (в районе трех – четырех тысяч франков): скорее всего, он шел на риск не столько из-за финансовых, сколько из-за стратегических

соображений. *«Желая отделить свою судьбу от судьбы Наполеона, которую Талейран все более начинал считать подверженной серьезному риску, он старался подготовить*

себе лично путь к примирению с Европой. Талейран настойчиво советовал царю не грозить Австрии. Этим он начал, или вернее возобновил, длинный ряд своих веро-

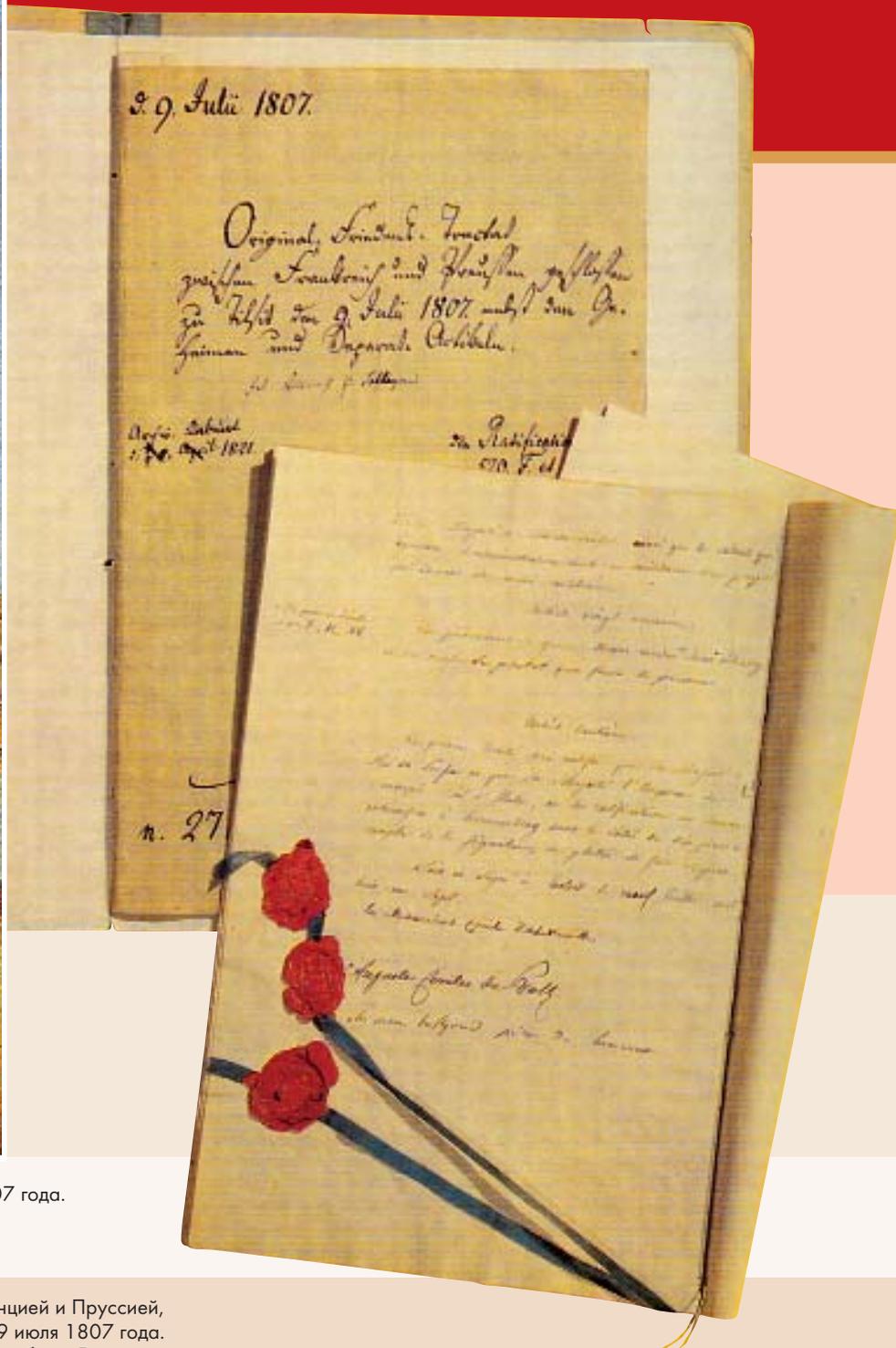
ломств, которые дали ему возможность торжественно встретить в 1814 г. союзников в завоеванном Париже. В своих мемуарах, написанных в эпоху Реставрации, он ставит себе в заслугу свое поведение в Эрфурте и прикрывает его именем разумного расчета, но история должна назвать это предательством» – сурово писал А. Вандаль.

Внешняя политика Наполеона, во главе которой с 1807 по 1813 гг. последовательно стояли Жан Батист де Шампаньи – герцог Кадор, и Юг Бернар де Маре – герцог Бассано, становилась все более непредсказуемой. В конце 1807 г. французские

Гонорар «тайного агента» Талейрана по сравнению с «десертом» в его бытность министром иностранных дел был незначительным: скорее всего, он шел на риск не столько из-за финансовых, сколько из-за стратегических соображений.

Слева: Встреча в Тильзите 15 июня 1807 года.
Худ. Ж. Паран. 1809 г.
Частное собрание.

Справа: Мирный договор между Францией и Пруссией, подписанный в Тильзите 9 июля 1807 года. Государственный архив Федеративной Республики Германии.

войска совершили вторжение в Португалию, а затем, воспользовавшись семейными неурядицами испанских Бурбонов Наполеон вызвал в Байонну и весной 1808 г. арестовал всю испанскую королевскую семью. В своих мемуарах Талейран всячески порицал императора за этот акт, а Наполеон, в свою оче-

редь, пытался возложить ответственность за «пиренейский спектакль», обернувшийся для империи затяжной войной, на Талейрана. По всей видимости, в «испанской авантюре» были виноваты оба: Наполеон хотел непременно видеть Пиренейский полуостров частью созданной им Континентальной экономической

системы, для чего следовало посадить на испанский трон вместо Карла IV и его сына Фердинанда VII Жозефа Бонапарта, а Талейран, несмотря на все позднейшие заверения, способствовал ему в этом, принимая участие в переговорах, а позднее предоставив свой замок в Валансе в качестве «резиденции» для

Встреча в Эрфурте, 27 сентября – 14 октября 1808 года. Фрагмент. Худ. Никола Госс. Вторая половина XIX в. Национальный музей Версальский дворец.

одного из королей, Фердинанда VII, который находился там под надзором вместе со своим братом и дядей (содержал князь их также преимущественно за свой счет). Из-за проблем, с которыми имперская армия столкнулась в Испании, Талейран начал высказывать свои сомнения в целесообразности этого мероприятия и закончил союзом со своим заклятым врагом – Жозефом Фуше (герцогом Отранто), который в бытность представителем Директории в США всячески препятствовал Талейрану развернуть политическую деятельность в Новом Свете. Сотрудничество с Фуше было необходимо «тайному агенту» Талейрану для того, чтобы избежать возможного разоблачения. *«Войдя в дружбу с министром полиции Фуше и частично приобщив его к своей изменнической деятельности, Талейран, казалось бы, обеспечил себя от страшного разоблачения и даже от опасных слухов, – пишет Е.В. Тарле, – но у Наполеона было несколько полиций: одна во главе с Фуше, следившая за всем населением империи, и другая еще более тайная, специально следившая за самим Фуше. И был еще Лавалетт, главный директор почт, который следил за этой другой полицией, следившей за Фуше...»* Поэтому, когда Талейран и Фуше долго разговаривали на приеме в Матиньонском дворце, эта «сенсация» очень скоро стала известна находившемуся в Испании императору. Как отмечает А. Вандаль: *«Меттерних (с 1806 по 1809 гг. австрийский посол в Париже. – Д.Б.) узнал кое-что об этом заговоре и дал знать своему правительству. Перехваченные на почте письма отчасти открыли Наполеону секрет, не осведомив его, однако, о той тайной связи, которая существовала между заговорщиками внутри страны и внешним врагом».* Подозревая, что два самых осведомленных человека в империи замыслили

интригу против него, Наполеон прибыл в Париж и на правительственном совещании 28 января 1809 г. в присутствии архиканцлера Камбасереса, архиказначея Лебрена, министра полиции Фуше и морского министра Декре устроил Талейрану разнос: *«Вы вор, мерзавец, бесчестный человек!»* – кричал император. – *«Вы не верите в бога, вы всю вашу жизнь нарушали все ваши обязанности, вы всех обманывали, всех*

предавали, для вас нет ничего святого, вы бы продали вашего родного отца! Я вас осыпал благодарностями, а между тем вы на все против меня способны! Вот уже десять месяцев, только потому, что вы ложно предполагаете, будто мои дела в Испании идут плохо, вы имеете бесстыдство говорить всякому, кто хочет слушать, что вы всегда порицали мое предприятие относительно этого королевства,

Портрет Жозефа Фуше, герцога Отранто.
Худ. Клод Мари Поль Дюбуф.
Национальный музей Версальский дворец.

тогда как это именно вы подали мне первую мысль о нем и упорно меня подталкивали!.. А этот человек, этот несчастный? (Наполеон имел в виду расстрелянного герцога Энгийенского. – Д.Б.) Кто меня уведомил о его местопребывании? Кто подстрекал меня сурово расправиться с ним? Каковы же ваши проекты? Чего вы хотите? На что вы надеетесь? Посмейте мне это ска-

зать! Ну, посмейте! Вы заслужили, чтобы я вас разбил, как стекло, и у меня есть власть сделать это, но я слишком вас презираю, чтобы взять на себя этот труд! Почему я вас еще не повесил на решетке Карусельской площади? Но есть, есть еще для этого достаточно времени! Вы – грязь в шелковых чулках!» Талейран ничего не ответил императору, приняв этот сокру-

шительный удар с достоинством, но, по некоторым сведениям, уходя, произнес знаменитую фразу: «как жаль, что столь великий человек так плохо воспитан». Правда, Наполеон так и не привел в исполнение своей угрозы и ограничился тем, что лишил Талейрана звания «великого камергера». Талейран сделал ответный ход: он посетил австрийское посольство и предложил к сведению Меттерниха имеющуюся у него информацию – бывший глава французской дипломатии превратился в «двойного агента» – и это накануне очередной войны с Австрией, разразившейся весной того же года! Меттерних вспоминал: «Талейран владел необыкновенной интеллектуальной способностью. Мои долго продолжавшиеся отношения с ним, сделали меня осведомленным во всем, что касается его характера, в большей степени приспособленного разрушать, чем создавать».

Талейран поддерживал сближение с Габсбургами и был сторонником «австрийского брака» Наполеона,

Портрет семьи Карла IV. Худ. Франсиско Гойя. 1800 г.
Музей Прадо, Мадрид.

Ко времени написания портрета король Карл IV (1748-1819 гг.) находится на испанском троне более 10 лет, но уже не за горами то время, когда, не в силах обуздать нарастающие события, он будет сметен ими. Карл IV – прямой потомок императора Священной Римской империи Карла V из династии Габсбургов. Испанская ветвь Габсбургов прервалась в 1700 году, и страной стали править представители французской линии из династии Бурбонов. Принадлежавший к ней Карл IV, хотя был рожден и воспитан в Испании, все же в большей степени оставался французом. Он объявил Франции войну, когда в 1793 году его кузена Людовика XVI казнили на гильотине. В 1808 году Наполеон разобьет армию Карла IV и посадит на испанский престол своего брата Жозефа Бонапарта. Политические интриги в ходе наполеоновских кампаний окончательно лишат Карла IV остатков власти, он умрет в изгнании в Неаполе. Затрагиваясь на полотне в блеске многочисленных регалий и орденов, погруженный в свои мысли, но слабовольный и нерешительный Карл в действительности находился под каблуком у супруги – королевы Марии Луизы, а та была послушным орудием в руках своего фаворита Мануэля Годоя, который занимал пост главы испанского правительства и фактически правил страной.

Королева Мария Луиза занимает центральное место в композиции. Она держит за руку инфанта Франсиско де Паула Антонио, а другой рукой обнимает за плечи инфанту Марию Изабеллу, будущую королеву Неаполитанскую. Слева от Марии Изабеллы изображена молодая женщина с лицом, обращенным назад, – это будущая невеста принца Астурийского, тогда еще не сделавшего свой выбор, и потому имя ее не было известно. Из-за ее плеча выглядывает инфанта Мария Хосефа, старшая сестра короля, старая дева, скончавшаяся в следующем году. Далее слева видна четкая фигура Фердинанда, принца Астурийского. Будучи наследным принцем, но не дождавшись законного восшествия на престол, в 1808 году он устроит дворцовый переворот и свергнет отца. В 1814 году, после того как герцог Веллингтон изгонит из Испании наполеоновские войска, он станет королем Фердинандом VII. За ним стоит дон Карлос Мария Исидро, будущий вождь карлистов, которому в момент написания картины было всего 12 лет. За этими двумя фигурами мы видим самого художника. Справа за фигурой Карла IV стоит его брат инфант Антонио Паскуаль, добродушный, но слегка глуповатый; принцесса, имя которой не установлено (возможно, это Карлота Хоакина); дон Луис, принц Пармский, и его жена ин-инфанта Мария Луиза (дочь короля и королевы) с новорожденным сыном Карлосом Луисом на руках.

Антифранцузские выступления в Мадриде
2 мая 1808 года. Гравюра XIX в.

**«Вы вор, мерзавец, бесчестный человек!»
– кричал император. – «Вы не верите в бога,
вы всю вашу жизнь нарушали все ваши
обязанности, вы всех обманывали, всех
предавали, для вас нет ничего святого, вы
бы продали вашего родного отца! Я вас
осыпал благодеяниями, а между тем вы
на все против меня способны!»**

который после войны 1809 г. женился на дочери Франца II Марии Луизе (он специально провалил проект «русского брака» Наполеона, который ради упрочения отношений с Россией в 1808 г. поручил Талейрану вести переговоры о браке с великой княжной Анной Павловной – младшей сестрой Александра I). Талейран пытался найти в Вене потенциальных союзников – его отношения с Наполеоном оставляли желать лучшего – ведь император, даже не зная всей правды о масштабах «подрывной деятельности» Талейрана, относился к нему прохладно и даже подозрительно. Один из приближенных Наполеона мар-

киз Арман Огюстен де Коленкур писал: *«Если бы не герцог Ровиго (генерал Савари, с 1810 по 1814 гг. занимавший пост министра полиции. – ДБ.), Талейран был бы сослан, так как приказ об этом был отдан дважды».* Финансовое положение его ухудшилось – банк, в котором он держал часть своих сбережений, прогорел, а попытка добиться от русского царя «кредита» в 1,5 млн. франков закончилась безрезультатно, ибо после скандальной отставки в 1810 г. Фуше с поста министра полиции качество информации, поставляемой Талейраном своим «контрагентам» значительно снизилась. Несмотря на то, что третий

сановник империи официально продолжал получать почти 600 тыс. франков в год, в 1812 г. он был вынужден продать Наполеону одну из своих резиденций – Матиньонский дворец. Правда, в том же 1812 г., как раз накануне войны с Россией, стали циркулировать слухи о возвращении Талейрана на дипломатическую службу – ему прочили пост французского представителя в Варшаве, однако назначение не состоялось.

Подробности сообщает в своих мемуарах Коленкур: *«К концу зимы (1811-1812 года. – ДБ.) император стал лучше обращаться с Талейраном. Он даже несколько раз беседовал с ним. Однажды вечером он задержал его у себя до очень позднего времени, что весьма беспокоило мадам Бассано, которая видела в Талейране преемника своего мужа. Император, которому было известно ее беспокойство, а также и беспокойство, возбужденное этим у его министра, рассказал ему о предложении, которое он не-*

Портрет Клеменса фон Меттерниха.
Неизвестный художник.
Около 1835-1840 гг.

сколько дней назад сделал Талейрану (отправиться в Варшаву для руководства польскими делами во время его похода и для наблюдения за Веной и Германией; Талейран принял это поручение). Император добавил (впоследствии он мне это подтвердил), что Талейран сослужил бы ему прекрасную службу в Польше и даже в Курляндии через посредство матери своей племянницы (герцогини Курляндской, на дочери которой был женат племянник Талейрана Александр Эдмон. – Д.Б.), если бы кампания имела успех, на который он надеялся.

Я считаю, что Талейран, который был очень рад возвратиться к делам, не говорил никому о проекте, доверенном ему императором в секретном порядке; но он открыл себе кредит на 60 тысяч франков в Вене, потому что, как он потом объяснял, не существует прямых банковских переводов из Парижа в Варшаву, а он не хотел испытывать задержек или затруднений сейчас же по приезде. Император, когда его первый гнев против Талейрана остыл, впоследствии в согласии с общественным мнением объяснял этот шаг желанием Талейрана тайно довести до сведений венской почты, что он возвращается к делам, но в первый момент, когда он через парижскую почту или через полицию узнал о поступке Талейрана, а вдобавок еще оказалось, что об этом назначении говорят в салонах, то сочетание светской болтовни с посылкой извещения в Вену привело его в бешенство против Талейрана, которому он приписывал эту нескромность...

Император рассказывал мне тогда об этой так называемой нескромности Талейрана, не слишком подробно говоря о своих проектах, относящихся к нему. Он говорил мне об истории открытия кредита в Вене и о распространившихся в Париже слухах, как об интриге Талейрана с целью придать себе

вес, и сказал мне, что он его сошлет. Эта буря была умиротворена без труда. Император прибавил затем: «Талейран поступил безрассудно, покинув министерство, так как он продолжал бы вести дела до сих пор, а теперь его ничтожество убивает его. В глубине души он жалеет, что он больше не министр, и интригует, чтобы заработать деньги. Его окружение всегда нуж-

дается в деньгах, как и он, и готово на все, чтобы добыть их. Он хотел внушить всем, что я не могу обойтись без него, а между тем мои дела или не хуже с тех пор, как он в них больше не вмешивается. Он слишком скоро позабыл, что договоры, которые он подписывал, были продиктованы битвами, выигранными французами. Никто в Европе не обманывается на этот счет. Мне

Талейран пытался найти в Вене потенциальных союзников – его отношения с Наполеоном оставляли желать лучшего – ведь император, даже не зная всей правды о масштабах «подрывной деятельности» Талейрана, относился к нему прохладно и даже подозрительно.

Свадьба Наполеона I и эрцгерцогини Марии-Луизы Австрийской, 2 апреля 1810 года. Фрагмент. Худ. Жорж Руже. 1810 г. Национальный музей Версальский дворец.

Внизу: Въезд в Париж союзных монархов по бульвару Сен-Дени в 1814 году. Худ. Жан Зиппель. 1815 г. Государственный Исторический музей, Москва.

нравился ум Талейрана. У него есть понимание, он глубокий политик, гораздо лучший, чем Маре (герцог Бассано. – Д.Б.), но у него такая потребность в интригах и вокруг него вертится такая шваль, что это мне никогда не нравилось».

Я заступался за Талейрана. Я заметил императору, что желание возвратиться к делам, которое он ему притисывает, лучше всего доказывает, что Талейран не совершил той нескромности, в которой его упрекают; он не такой человек, чтобы даже ради соображений, связанных с семейными отношениями его племянницы, заранее хватать поездкой в Варшаву, так

как он слишком хорошо знает императора, чтобы быть нескромным, и слишком умен, чтобы его можно было заподозрить в том, что он сделал глупость или допустил бесцельную нескромность. Я добавил, что тут есть, наверное, какая-то интрига, которой император не знает, и что он разберется в ней, если вызовет Талейрана. «Я не хочу его видеть, – сказал император, – я дам приказ об изгнании его из Парижа. А вам я запрещаю посещать его и говорить ему об этом...»». По словам Коленкура, интрига заключалась в том, что «Бассано, которому император сообщил о своих видах на Талейрана, не

Венский конгресс.
Раскрашенная гравюра XIX в.

скрывал от себя, что ум и деловые методы Талейрана очень нравятся императору; он не сомневался в том, что не пройдет и трех месяцев, как Талейран будет возвращен на свой прежний пост, если только ему удастся вновь приобрести хотя бы малейшее влияние. Удрученный этими мыслями, он, вернувшись домой, рассказал обо всем своей жене. Она не стала терять времени и попросила одного из общих знакомых разболтать сведения о миссии Талейрана, полученные якобы от близких к нему лиц. Настроение императора по отношению к Талейрану давало легкую возможность погубить его. Камергер императора Рамбюто пустил сплетню в ход. Император, осведомленный своей полицией о салонных слухах, пришел в бешенство против князя. А новость о кредите в Вене, сообщенная секретным отделом почты, пока-

Талейран пишет: «Поведение Наполеона в отношении меня отличалось той странностью, что именно в те периоды, когда у него было больше всего подозрений против меня, он стремился приблизить меня к себе».

залась императору лишним доказательством нескромности Талейрана и окончательно его разозлила. Бассано торжествовал, а Талейран, который, можно сказать, лишь чудом избежал ссылки, оказался в большей немилости, чем когда-либо».

Впрочем, до ссылки Талейрана дело так и не дошло – помимо герцога Ровиго за него заступились архиканцлер Камбасерès и военный министр маршал Бертье – князь получил возможность остаться в Париже. Талейран пишет: *«Поведение Наполеона в отношении меня отличалось той странностью, что именно в те периоды, когда у него было больше всего подозрений против меня, он стремился приблизить*

меня к себе. Так, в декабре 1813 года он просил меня снова принять портфель министра иностранных дел, что я решительно отклонил, так как мне было ясно, что нам никогда не удастся сговориться хотя бы о способе выпутаться из того лабиринта, в который его вовлекли его безумства...» Министрство иностранных дел возглавил Коленкур, на долю которого вскоре выпало вести трудные переговоры на конгрессе в Шатильоне. Наполеон то раздражался против Талейрана, то сожалел, что Талейран не защищает его интересов перед шестой антифранцузской коалицией, составленной Россией, Австрией, Пруссией, Великобританией и Шве-

Господин «все, что угодно». Сатира на Талейрана из серии, посвященной Венскому конгрессу. Раскрашенная гравюра. Март 1815 г. Национальная библиотека, Париж.

Внизу:

Человек с шестью лицами. Карикатура на Талейрана. Раскрашенная гравюра. Апрель 1815 г. Национальная библиотека, Париж.

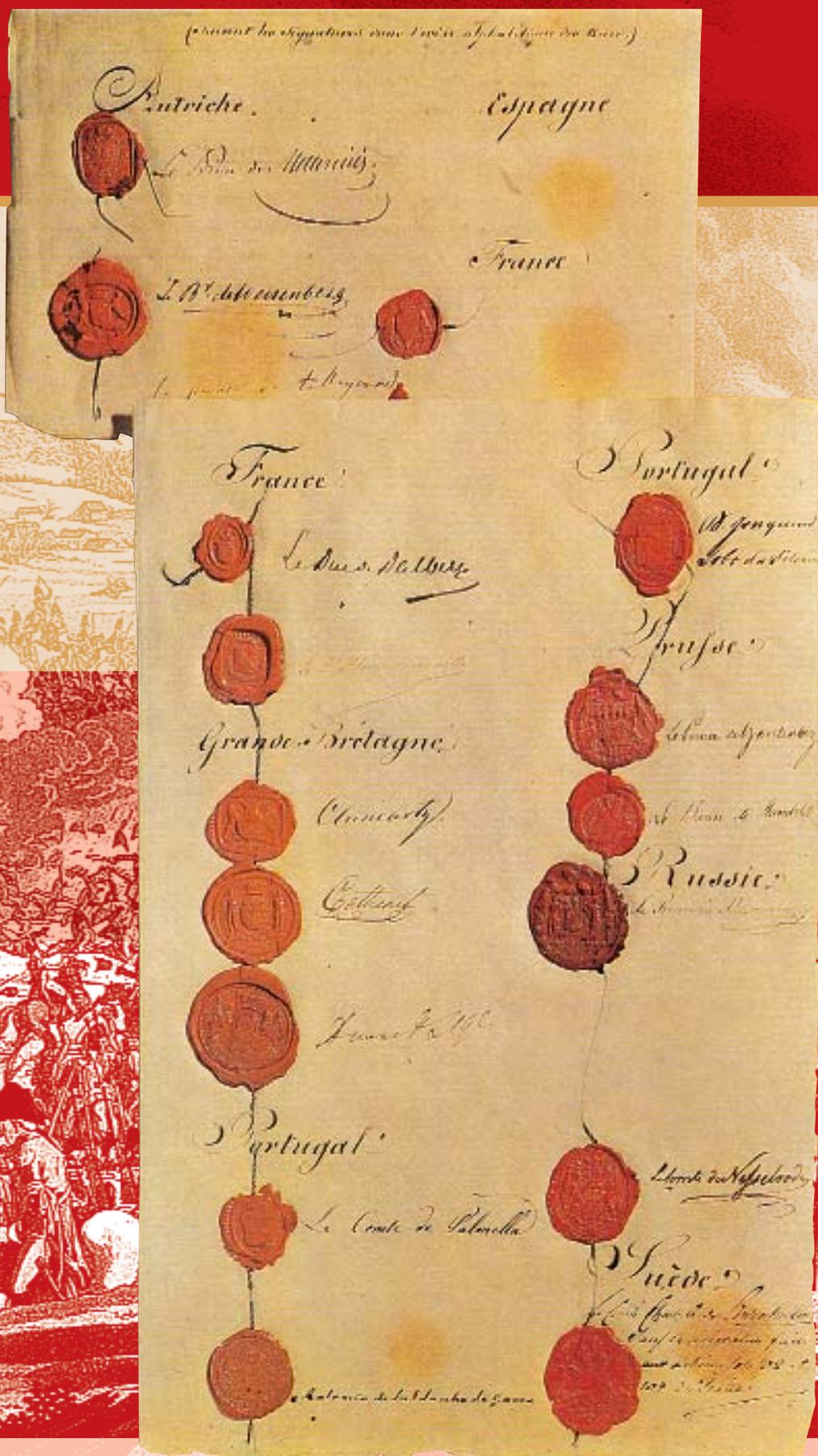
цией, войска которой, в конце концов, оказались на территории Франции. Талейран рассказывает в своих мемуарах следующий забавный случай: «Однажды вечером, в феврале 1814 года, у меня собралось в гостиной несколько человек, среди которых находился барон Луи, архиепископ Малина – Прадт, Дальберг и некоторые другие лица. Беседовали понемногу обо всем, но в особенности о важных событиях того периода, которые, естественно, занимали тогда все умы. Вдруг дверь с шумом открывается, и, не давая камердинеру времени для доклада, в середину комнаты устремляется министр общей полиции, генерал Савари, восклицая: «Так вот, я захватываю вас всех на месте преступления, в момент составления заговора против правительства!» Как он ни старался придать серьезность своему голосу при этом заявлении, мы скоро заметили, что он хотел пошутить, пытаясь в то же время, по возможности, открыть что-нибудь такое, что могло бы послужить материалом для его докладов императору по делам полиции. Однако ему не удалось привести нас в замешательство; между тем положение вещей с избытком оправдывало высказанное ему всеми нами беспокойство, вызывавшееся опасным положением Наполеона и теми последствиями, к которым оно могло привести. Я склонен думать, что если бы император не пал, то генерал Савари не преминул бы

подчеркнуть перед ним смелость, и, как он сам полагал, ловкость своего поведения в этом случае». Справедливости ради надо отметить, что Савари был не так уж далек от истины: Талейран действительно вступил в тайные переговоры с союзниками и посоветовал им продвигаться к Парижу, а затем убе-

дил отступить маршала Мармона, командовавшего верными Наполеону войсками. Наполеон, как будто предчувствуя измену, как раз в феврале 1814 г. писал своему брату Жозефу, назначенному императорским наместником: «...Я повторяю, не доверяйте этому человеку. Я поступал так в течение 16 лет. Я был даже расположен к нему. Но сейчас это, бесспорно, самый большой враг нашего дома...»

31 марта 1814 г. русско-прусская армия вступила в Париж. Талейран тут же предложил Александру I в качестве временной резиденции свой новый особняк на улице Сен-Флорантен – царь принял предло-

Акт Венского конгресса от 9 июня 1815 года.
Государственный архив Федеративной Республики Германии.

Парижане приветствуют Людовика XVIII
8 июля 1815 года. Литография XIX в.
Музей Карнавале, Париж.

Союзники, ранее пытавшиеся достичь какого-либо соглашения с императором, теперь отказались вести с ним переговоры, но колебались в вопросе о том, кому следует стать его преемником. Талейран убедил их поддержать проект реставрации Бурбонов в лице графа Луи Станислава Ксавье Прованского – младшего брата Людовика XVI, почти четверть века жившего в эмиграции под именем Людовика XVIII.

жение Талейрана. Однако подобный поступок означал демонстративный разрыв с Наполеоном. Союзники, ранее пытавшиеся безуспешно достичь какого-либо соглашения с императором, теперь отказались вести с ним переговоры, но они колебались в вопросе о том, кому следует стать его преемником. Талейран убедил их поддержать проект реставрации Бурбонов в лице графа Луи Станислава Ксавье Прованского – младшего брата Людовика XVI, почти четверть века жившего в эмиграции под именем Людовика XVIII. Свою очередную политическую метаморфозу (которую Наполеон назвал «революцией Талейрана») князь Беневентский позднее объяснил в мемуарах так: «Только Бурбоны могли достойным образом возвратиться Франции выгодные для нее границы,

обусловленные политикой и природой. С Бурбонами Франция переставала быть исполинской, но становилась великой. После ее освобождения от груза побед только Бурбоны могли вернуть ей то высокое положение, которое она предназначена занимать в социальной системе; они одни могли отворотить от нее мечь, жажда которой накопилась в итоге двадцати лет насилий.

Бурбонам открывались все пути к трону, основанному на свободной конституции. Испробовав все виды политической организации и испытав наиболее деспотические из них, Франция могла найти покой лишь в конституционной монархии. Монархия с Бурбонами во главе означала бы даже для умов, наиболее склонных к новшествам, полное

осуществление принципа легитимности, так как она сочетала бы легитимность, обеспечиваемую династией, с легитимностью, создаваемой учреждениями, а Франция должна была стремиться именно к этому». Из двух зол, как известно, выбирают меньшее – если бы власть продолжала оставаться в руках клана Бонапартов, Талейран за свою «подрывную деятельность» рано или поздно мог поплатиться головой, тем более, что Наполеон не раз обещал расправиться с ним.

1 апреля 1814 г. Сенат назначил Талейрана главой Временного правительства; на следующий день после своего назначения Талейран провел в Сенате решение о низложении Наполеона. Пост главы правительства он занимал всего лишь несколько дней, правда, за это время он сумел изъять из государственных архивов компрометирующие его документы (часть их была уничтожена, а часть позднее продана австрийскому правительству). Еще до возвращения короля, Талейран начал переговоры о перемирии: их результат заключался в том, что Франция утратила почти все территориальные приобретения, сделанные в эпоху

революции и империи. 13 мая 1814 г. король Людовик XVIII утвердил Талейрана в должности министра иностранных дел. 30 мая Талейран подписал в Париже мирный договор, практически восстанавливавший Францию в границах 1792 г. Вскоре он был назначен главой французской делегации на Венском конгрессе, который должен был выработать принципы послевоенного устройства Европы. Лучшей кандидатуры Людовику XVIII, окруженному роялистами-эмигрантами, бредившими восстановлением «Старого порядка», было просто не найти. Задача Талейрана сводилась к тому, чтобы обеспечить политическую самостоятельность и территориальную целостность Франции, не допустив

ее изоляции. В целях защиты французских интересов он выдвинул принцип легитимизма, согласно которому, законные права на какие-либо территории должны были получать приоритет над правом силы, однако «*принцип Талейрана*» не был принят в качестве официальной политической доктрины.

Ключевой задачей князя стала вербовка союзников. Если весной 1814 г. в Париже Талейран был близок к Александру I, являвшемуся в то время хозяином положения, то зимой 1814 г. в Вене он пошел на сближение с представителями Англии (виконт Каслри) и Австрии (князь Меттерних), поскольку царь в то время поддерживал прусского премьер-министра Карла Гарден-

берга, стремившегося аннексировать Саксонию, а чрезмерное усиление Пруссии представляло опасность для Франции. Талейрану удалось войти в комитет, составленный представителями семи ведущих государств и, используя противоречия «великих держав», создать «триумвират» Франции, Англии и Австрии против России и Пруссии, заключив договор, который поставил крест на шестой антифранцузской коалиции. *«Этот договор, знаменательный главным образом как знак первого сближения держав, общие интересы которых должны были раньше или позже побудить их к поддержке друг друга, был подписан 3 января»* – писал Талейран. Новые партнеры

Коронация Карла X. Худ. Франсуа Жерар. Около 1827 г.
Музей изящных искусств, Шартр.

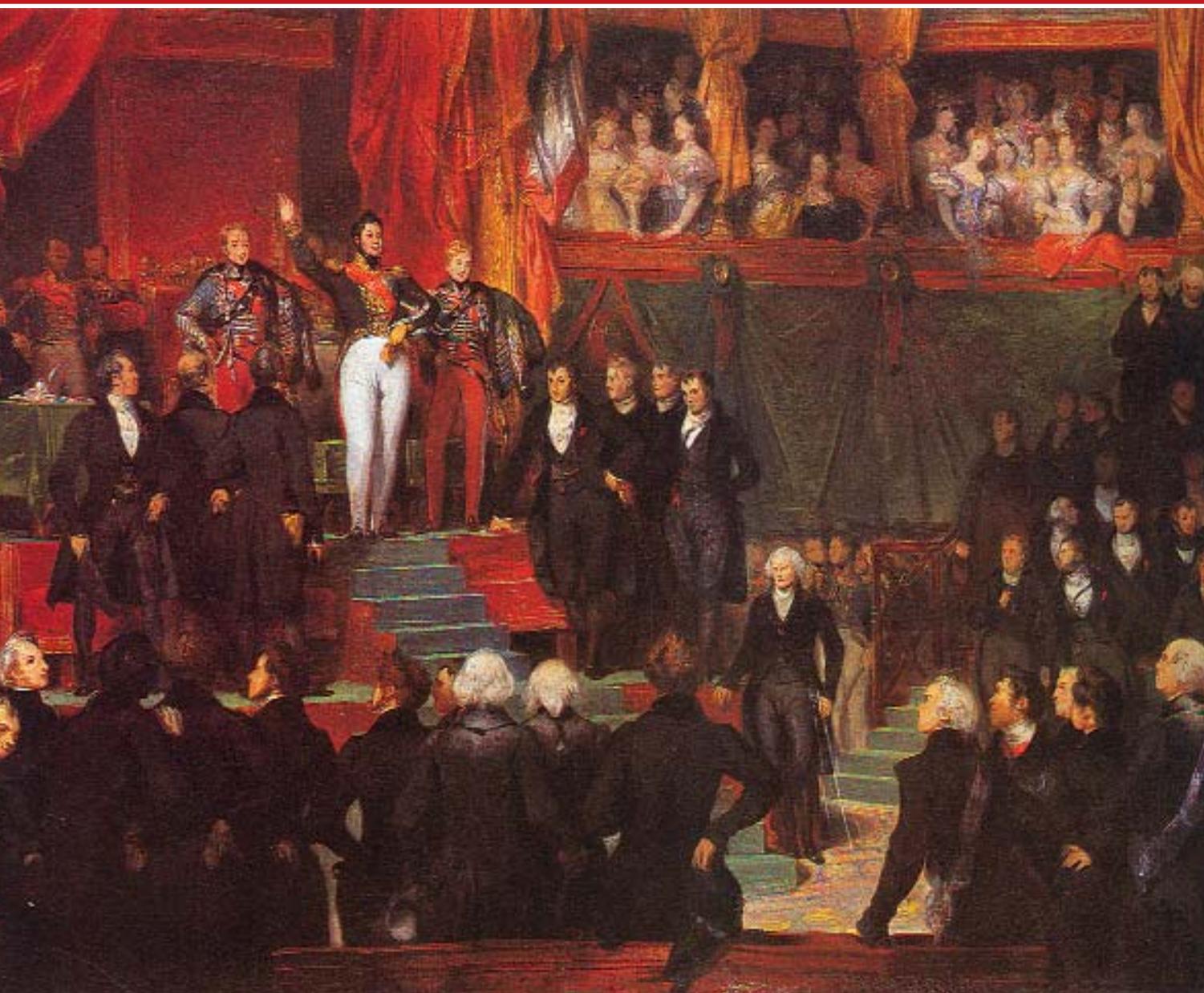
Тalleyран, как бы испытывая свое положение на прочность, подал в отставку со всех занимаемых постов – по всей вероятности, он не ожидал, что его просьба будет удовлетворена и позднее говорил: «Нас предали». Как оказалось, король отнюдь не дорожил Талейраном – он быстро нашел ему замену в лице герцога Армана Эммануэля де Ришелье – эмигранта, долгое время находившегося на русской службе.

помогли Талейрану добиться статуса равноправного участника конгресса при рассмотрении «саксонского вопроса» и прочих европейских проблем (на которых князь, по обыкновению, не преминул хорошо заработать), однако вскоре все карты его дипломатического пасьянса оказались раскрыты Наполеоном, который после отречения от престола (6 апреля 1814) был выслан на остров Эльба, но, воспользовавшись растущим недовольством против политики Бурбонов 1 марта 1815 г. высадился во Франции. 5 марта о высадке Наполеона стало известно в Париже, а 7 марта – в Вене. Часть французских войск перешла на сторону Наполеона. Людовик XVIII бежал в Гент, а Наполеон 20 марта

оказался в Париже и начал знаменитые «Сто дней» правления с того, что переслал царю франко-австро-британское соглашение, подписанное Талейраном, которое было забыто в королевском дворце Тюильри, и приказал конфисковать имущество министра. В то же время, призывая на службу бывших сановников империи, император направил соответствующее предложение и Талейрану – ему был предложен в императорском правительстве пост министра иностранных дел. Однако князь, убежденный в том, что дело Наполеона проиграно, предпочел остаться министром короля. 13 марта вместе с представителями других держав он составил в Вене документ, объявлявший Наполеона вне закона. После второй Реставрации Людовик XVIII отблагодарил Талейрана за преданность, назначив его первым министром (9 июля 1815), однако его пребывание во главе правительства было недолгим: «триумvirат» 3 января 1815 г. окончательно скомпрометировал Талейрана в глазах Александра I, а некоторые из прежних коллег отказались работать в сформированном им кабинете, где пост министра полиции занимал его одиозный сообщник Фуше (по меткому замечанию Шатобриана, «*торок отирался на руку преступления*»). Правительство Талейрана начало

с участниками коалиции переговоры о мире. Союзники выставили Франции более жесткие условия, чем в 1814 г.: Франция лишалась стратегически важных территорий на северо-востоке (Саарлуи, Саарбрюккен и др.), частично подверглась оккупации и должна была уплатить большую контрибуцию. Положение «*министерства недоверия*» стремительно ухудшалось и даже удаление Фуше, подготовившего преследование бонапартистов, не могло продлить его существование. Оставшись без союзника, Талейран, как бы испытывая свое положение на прочность, подал в отставку со всех занимаемых постов – по всей вероятности, он не ожидал, что его просьба 24 сентября 1815 г. будет удовлетворена и позднее говорил: «*Нас предали*». Как оказалось, король отнюдь не дорожил Талейраном – он быстро нашел ему замену в лице герцога Армана Эммануэля де Ришелье – эмигранта, долгое время находившегося на русской службе.

Людовик XVIII вернул Талейрану звание камергера и назначил его членом верхней палаты французского парламента – палаты пэров. Правда, Талейран лишился княжества Беневентского (Беневент возвратили Пию VII), а его попытка получить от Людовика XVIII титул «герцога де Валансе» провалилась, так как была чревата осложнениями между фран-

цузскими и испанскими Бурбонами, но неаполитанский король Фердинанд IV пожаловал ему титул герцога Дино. При Реставрации деятельность Талейрана ограничивалась

преимущественно тем, что он пытался защититься от критики в свой адрес (в 1816 г. это даже привело к скандалу на приеме в английском посольстве) и поддерживал оппо-

зицию (сначала «справа», позднее – все больше «слева») королевскому правительству, которое постепенно утрачивало поддержку в обществе. Например, в 1823 г. он высказался против французской интервенции в Испанию, предпринятой для подавления революционного движения в интересах Фердинанда VII. В 1824 г. Людовику XVIII под именем Карла X наследовал его младший брат Карл д' Артуа, который долгое время являлся неформальным лидером роялистов. Новый король так активно стремился к возвращению «Старого порядка», что к концу 1829 г. Талейрану, который в то время сблизился с либеральными интеллектуалами Луи Адольфом Тьером и Огюстом Минье (известными историками

Незадолго перед смертью бывший епископ Отенский примирился с церковью и направил римскому папе Григорию XVI прошение об отпущении грехов – позднее говорили, что «князь Талейран всю жизнь обманывал бога, а перед самой смертью вдруг очень ловко обманул сатану».

← Луи-Филипп дает клятву перед членами Национального собрания 9 августа 1830 года. Худ. Эжен Девериа. Национальный музей Версальский дворец.

Портрет Шарля Мориса Талейрана, выполненный во время его пребывания в Лондоне в качестве посла.

революции и империи), стало очевидно: «для того, чтобы иметь спокойствие, надо прогнать Бурбонов». Бурбонов свергла революция 1830 г. после того как Карл X «июльскими ордонансами», подготовленными министерством князя Полиньяка, вознамерился ликвидировать остатки демократических свобод. Наместником королевства был избран герцог Луи Филипп Орлеанский – представитель младшей ветви династии, поддержавшей революцию 1789 г., – который по совету Талейрана принял предложенный ему пост. Став через несколько дней королем под именем Луи Филиппа I, он в свою очередь предложил Талейрану возглавить французское посольство в Лондоне – поддержка автора доктрины легитимизма была необходима новому королю для того, чтобы добиться своего признания в Европе. Талейран предложение принял; во время принесения присяги он сказал Луи Филиппу: «Это уже тринадцатая».

В Лондоне патриарх французской дипломатии принял участие в решении сложных международных проблем: он представлял короля на Лондонской конференции 1830-1831 гг., обсуждавшей пути решения голландско-бельгийского конфликта и принявшей решение о признании независимости и нейтралитета Бельгии. Талейран и здесь не забывал о себе: при определении границ он получил взятку от голландского посла и добился разграничения в пользу Голландии. Но главная политическая цель была достигнута – Июльская монархия получила «право гражданства в Европе». В 1834 г. вскоре после подписания «Четверного пакта» по урегулированию ситуации в Испании и Порту-

галии, находившихся в состоянии гражданской войны между абсолютистами и конституционалистами, 80-летний дипломат вернулся во Францию и ушел в отставку. Незадолго перед смертью бывший епископ Отенский примирился с церковью и направил римскому папе Григорию XVI прошение об отпущении грехов – позднее говорили, что «князь Талейран всю жизнь обманывал бога, а перед самой смертью вдруг очень ловко обманул сатану». 17 мая 1838 г. умирающего Талейрана посетили король Луи Филипп и его сестра принцесса Аделаида. Через несколько часов после их визита он скончался.

Шарль Морис Талейран. Рисунок, сделанный в Лондоне в 1834 году.